

УДК 821.161.1.09-343

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В САТИРИЧЕСКИХ СКАЗКАХ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Ёрмахматова Н. М.

Студентка 4 курса филологического факультета

Денауский институт предпринимательства и педагогики

Научный руководитель: Хамраева У. А.

г. Денау, Узбекистан

Аннотация. В данной статье рассматриваются специфика и механизмы трансформации традиционных фольклорных мотивов, образов и жанровых форм в сатирическом творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина на примере его сказок «Кашей Бессмертный» и «Мудрый пескарь». Проанализировано, каким образом писатель использует устное народное творчество как глубокую художественно-эстетическую систему и одновременно инструмент эзопова языка в условиях жестких цензурных ограничений. Особое внимание уделено деконструкции фольклорного оптимизма и введению феномена «пустого финала», посредством которого автор демонстрирует институциональный характер социального зла в пореформенной России.

Ключевые слова: русский фольклор, Салтыков-Щедрин, трансформация, сатирическая сказка, «Кашей Бессмертный», «Мудрый пескарь», эзопов язык, пустой финал, поэтика фольклора.

ВВЕДЕНИЕ

Русский фольклор представляет собой не просто мозаику архаичных текстов, преданий или песен, а фундаментальную художественно-эстетическую и нравственную систему, на протяжении столетий аккумулировавшую ценностные ориентиры национального самосознания. Являясь базовым элементом русской

культуры, фольклор выработал уникальный комплекс поэтических законов, устойчивую систему персонажей-типажей и оригинальную картину мира, в рамках которой дихотомия добра и зла неизменно разрешается в пользу этической и социального справедливости.

В XIX веке, в эпоху бурного развития реалистической литературы, наблюдается глубокий диалог между авторским творчеством и народной традицией. Одним из наиболее репрезентативных примеров радикального концептуального переосмысления фольклора выступает цикл «Сказки для детей изрядного возраста» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Писатель-сатирик, творивший в условиях беспрецедентного цензурного давления, обратился к сказочной форме не ради внешней стилизации или популяризации народного творчества, а как к мощному когнитивному и художественному инструменту. Фольклорная матрица позволила ему сформировать уникальный пласт эзопова языка, маскирующий острые общественно-политические диагнозы под маской «безобидного» детского чтения.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью детального изучения механизмов идейно-художественной деконструкции и трансформации фольклорного наследия в русской сатирической прозе. Если в академическом литературоведении (в трудах С. А. Макашина, А. С. Бушмина и др.) неоднократно подчеркивался общий обличительный пафос щедринских сказок, то специфика прямой системной инверсии фольклорных канонов (таких как закон троекратности, функции волшебных помощников и семантика финала) в сопоставительном аспекте сказок «Кашей Бессмертный» и «Мудрый пескарь» требует более глубокой экспликации.

ФОЛЬКЛОР КАК ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ЕГО ПОЭТИКА

Для понимания масштаба щедринского новаторства необходимо определить базовые свойства фольклора как метасистемы. В отличие от письменной

литературы, фольклорный дискурс характеризуется коллективностью авторства, устной формой бытования и синкретизмом. Каждый исполнитель (сказитель) привносил в текст импровизационные элементы, однако общая структура оставалась инвариантной, что порождало феномен вариативности в рамках жесткой традиции.

Как отмечал крупнейший исследователь народной прозы В. Я. Пропп, волшебная сказка обладает строгой морфологической структурой, детерминированной линейной последовательностью функций персонажей. Композиционный костяк сказки опирается на трехчастную схему: зачин, формирующий условное пространственно-временное поле («В некотором царстве, в некотором государстве»), основное повествование (испытание героя, поиск артефакта, битва с антагонистом) и функциональный счастливый финал (свадьба, воцарение, пир), знаменующий восстановление космического и социального порядка.

Текстовая ткань народной сказки цементируется за счет использования устойчивых поэтических элементов, так называемых «общих мест». К ним относятся постоянные эпитеты («добрый молодец», «красна девица», «меч-булатный»), выполняющие функцию мгновенной идеализации или категоризации объекта, а также лексико-композиционные формулы пути («долго ли, коротко ли», «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается»). Важнейшим структурообразующим законом устного нарратива выступает закон троекратности (три попытки, три брата, три подземных царства), который служит для интенсификации драматического напряжения и подготовки кульминационного триумфа героя.

Этическая система фольклора носит ярко выраженный антропоцентрический и телеологический характер. Высшими ценностями декларируются доброта, милосердие, жертвенность, уважение к родительскому слову и, что особенно важно, социальная справедливость. В народных бытовых и волшебных сказках бедный крестьянин, солдат или гонимый младший брат («дурак») неизменно превосходят в

интеллектуальном и моральном отношении богатого барина, жадного попа или спесивого царя. Таким образом, фольклор конструировал компенсаторную картину мира, где материальное бессилие угнетенного компенсировалось его сакральной и нравственной победой.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ В СКАЗКЕ «КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ»

В сказке «Кашей Бессмертный» (1867) Салтыков-Щедрин предпринимает глубокую деконструкцию одного из самых зловещих архетипов русского фольклора. В народной мифологии Кашей — это хтоническое существо, могущественный колдун и чародей, чья деструктивная деятельность разворачивается в сакральном пространстве «тридевятого царства». Щедрин лишает данный образ метафизического ореола, осуществляя его радикальное приземление и социологизацию.

Щедринский Кашей перемещен из костяного замка в чиновничье-бюрократическое пространство: он сидит в кабинете, считает государственную или помещичью казну и «скрежет зубовный источает». Писатель сохраняет внешние атрибуты фольклорного чудовища (костлявость, мертвенность, длинные загребущие руки), однако эти маркеры трансформируются в гротескные аллегии государственной машины. Кашей Щедрина — это синекдоха пореформенного самодержавия, совмещающая в себе черты жестокого помещика-крепостника, высшего сановника и деспотичного монарха. Его бессмертие трактуется автором не как мистический дар, а как метафора неизменяемости, стагнации и бессменности репрессивной политической власти.

Соответственно, коренному переосмыслению подвергается и образ героя-искателя — Ивана-царевича. В фольклоре Иван — это медиатор между мирами, способный с помощью волшебных помощников преодолеть любые препятствия и уничтожить зло, разбив иглу. У Щедрина Иван вступает в диалог с Кашеем не на

языке мечей, а на языке социальных сословий. Их конфликт лишен сказочной поэтичности: это жесткое столкновение бесправного мужика с властным угнетателем. Кащей прямо заявляет Ивану, что народ принадлежит ему «по рождению, по крепости».

Наиболее трагичной трансформации подвергается мотив волшебных помощников. Вместо тотемных животных (волка, сокола, щуки) Иван пытается опереться на коллективного помощника — русский народ. Однако народная масса в изображении Щедрина демонстрирует рабскую ментальность, забитость и фатальное отсутствие консолидации. Декларативные бунтарские призывы толпы мгновенно нивелируются единственным грозным окриком Кащей из окон дворянского собрания или Сената. В результате закон троекратности работает у Щедрина «наоборот»: если первая попытка Ивана противостоять злу карается плетьюми, а вторая — заключением в острог, то третья фаза знаменует не победу, а полное духовное сломенение героя и его последующую конформистскую адаптацию — Иван начинает служить Кащейю.

ПАРОДИЯ НА СКАЗОЧНЫЙ ЭПОС В «МУДРОМ ПЕСКАРЕ»

Если в «Кашее Бессмертном» Щедрин полемизирует с жанром волшебной сказки и героического эпоса, то в «Мудром пескаре» (1883) объектом авторской деконструкции становится сказка о животных и басенная традиция. В фольклорной анималистической сказке (например, о трусливом зайце) страх персонажа перед хищниками репрезентирует естественный биологический закон и служит источником комизма, не вызывая у слушателя глубокого морального отторжения. Более того, фольклорный заяц нередко проявляет ситуативную смекалку и преодолевает свой дефект.

Щедрин возводит биологическую уязвимость маленькой рыбы в ранг экзистенциальной и политической философии. Образ пескаря становится уничтожающей сатирой на либеральную интеллигенцию эпохи политической

реакции 1880-х годов. «Мудрость» пескаря, транслируемая ему отцом в виде завета «Гляди в оба!», полностью синонимична тотальному, парализующему страху перед жизнью. Герой добровольно конструирует стратегию абсолютной изоляции («бытие в норе»).

Пространство норы у Щедрина претерпевает инверсию: в народном сознании дом — это локус безопасности, созидания, продолжения рода и гостеприимства. Для пескаря же нора превращается в добровольный одиночный гроб. Ради сохранения физического существования герой совершает тотальный отказ от всех фундаментальных фольклорных (и общечеловеческих) ценностей: он отказывается от создания семьи (сознательное бездетство и обрыв семейного древа), от социальной коммуникации (у него нет друзей), от труда на благо общины. Щедрин пародирует традиционное сказочное жизнеописание («житие»), заменяя его хроникой прогрессирующего небытия. Эстетический и логический крах народной паремии «береженого Бог бережет» очевиден: Бог уберег пескаря от пасти щуки, но сама его жизнь оказалась страшнее и ничтожнее физической смерти.

СРАВНИТЕЛЬНО-ТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ

Сравнительный анализ сказок «Кашей Бессмертный» и «Мудрый пескарь» демонстрирует эволюцию сатирического метода Салтыкова-Щедрина и разнообразие его подходов к деформации фольклорного материала. Обе сказки объединены общим вектором: использованием аллегории и сказового стиля в качестве цензурного щита, однако они направлены на обличение полярных социальных феноменов.

Таблица 1. Компаративные характеристики трансформации фольклора в сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина

Критерий сравнения	«Кашей Бессмертный» (1867)	«Мудрый пескарь» (1883)
--------------------	-------------------------------	----------------------------

Жанровый субстрат	Волшебная сказка, героический эпос, былина.	Сказка о животных, басня, притча.
Социально-политический тип	Власть имущие: самодержец, крупный чиновник, помещик.	Обыватель, трусливый интеллигент, пассивный либерал.
Вектор сатирической критики	Вертикальный (направлен «сверху вниз» на институт угнетения).	Горизонтальный (направлен на конформизм и трусость общества).
Модус поведения героя	Экспансивный, агрессивный (активное подавление чужой воли).	Рецессивный, пассивный (самоугнетение через изоляцию).
Семантика хронотопа	«Костяной дворец», инкорпорированный в бюрократический кабинет.	«Нора» как замкнутое 空間, изоморфное гробу.
Функция финала	«Пустой финал»: сохранение репрессивной системы.	«Пустой финал»: бесследное исчезновение ничтожного субъекта.

В «Каше Бессмертном» автор бичует верховную власть и ее институты. Сатира здесь носит гневный, монументальный и разоблачительный характер; используется метод политического гротеска. В «Мудром пескаре» фокус смещается на средние слои общества — на тех, кто своим молчанием и трусостью легитимизирует существование Кашеев. Тон повествования сменяется на горький,

трагикомический и сардонический. Кащей аккумулирует в себе внешнее зло, пескарь — зло внутреннее, ментальное.

Главным новаторским приемом Щедрина, радикально порывающим со всей фольклорной традицией, является внедрение структуры «пустого финала». В народном творчестве финал телеологичен — он обязан быть счастливым, фиксируя торжество космического порядка над хаосом. Щедрин сознательно оставляет финал открытым или безысходным: Кащей остается у руля государственной машины, а пескарь исчезает («пропал ни за понюх табаку»), не оставив памяти. Этим приемом сатирик провозглашает горькую истину: в современной ему социально-политической реальности Российской империи сказочные законы справедливости не функционируют автоматически. Для победы над институциональным злом требуются не магические артефакты, а реальное гражданское действие и пробуждение народного самосознания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет констатировать, что М. Е. Салтыков-Щедрин осуществил глубокую модернизацию и концептуальную трансформацию русского фольклора. Воспринимая народное творчество как сложную, кодифицированную художественно-эстетическую систему, писатель использовал ее структурные элементы для преодоления цензурных барьеров посредством эзопова языка.

Новаторство Салтыкова-Щедрина выразилось в полной инверсии традиционных сказочных мотивов, образов и композиционных узлов. Переосмыслив образы Кащей Бессмертного и трусливого животного (пескаря), автор трансформировал их в социально-политические типы угнетателя-бюрократа и пассивного обывателя-либерала. Введение феномена «пустого финала» разрушило компенсаторный оптимизм фольклора, превратив сказку из средства утешения в

инструмент жесткого социального диагноза, призванного стимулировать критическое мышление русского общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин В. П. Русское народное творчество: Учеб. для филол. спец. вузов. — М.: Высшая школа, 2004. — 735 с.
2. Бушмин А. С. Сказки Салтыкова-Щедрина. — Л.: Художественная литература, 1976. — 274 с.
3. Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. Биография. — М.: Художественная литература, 1989. — 526 с.
4. Пропп В. Я. Морфология сказки. — М.: Наука, 1969. — 168 с.
5. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. — 364 с.
6. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в 20 томах. Том 16. Сказки (1869–1886). — М.: Художественная литература, 1974. — 424 с.